

Пушкин А.С.

23.04.93.2.

ЕЩЕ РАЗ О ТАИНЕ ГИБЕЛИ ПУШКИНА

Высоко уважаемый и в России, и во всем культурном мире журнал «Русская литература», который в течение тридцати пяти лет издавал красующийся на берегах Невы Пушкинский Дом, в текущем году «приказал долго жить». Впрочем, даже это горько-ироническое определение сегодня не годится: если в стране в более или менее близкое время не произойдет смена власти, гибнущим устоям отечественной культуры просто не кому будет завещать долгую жизнь, ибо погибнут один за другим все культурные очаги...

В 1991 — 1992 годах я полемизировал на страницах «Русской литературы» с весьма посредственным, на мой взгляд, и мало кому известным литературоведом С. А. Фомичевым, который неожиданно оказался ярким демократом и был в чисто административном порядке произведен в «руководители» пушкиноведения. Готовился к печати мой ответ на его очередную инсинуацию, однако совместные усилия «руководителей» подобного сорта загубили «Русскую литературу». Поскольку моя оплоvedь С. А. Фомичеву может, как мне представляется, вызвать читательский интерес, я решил опубликовать ее в «Литературной России».

В своем сочинении «Пушкин и масоны» («Русская литература», № 2, 1991) С. А. Фомичев без всяких на то оснований приписал мне так называемую масонскую версию гибели поэта. После моего печатного возражения он вынужден был признать, что ничего подобного я никогда не утверждал (см. «Русская литература», № 2, 1992). Правда, элементарные моральные нормы подразумевали, что следовало бы хоть как-то извиниться, но нормы эти соблюдают, увы, не все сочинители...

Впрочем, С. А. Фомичев не только не «покаялся», но и придумал новый вариант «обвинения» по моему адресу: «А как насчет заговора против Пушкина, организованного космополитической кликой? Ведь ни П. Е. Щеголев, ни Г. И. Чулков, ни И. Л. Андроников, ни Д. Д. Благой, на которых ссылается В. В. Кожин, ничего подо-

бного не говорили. Так что... он (то есть я. — В. К.) является автором новой версии...»

Но заглянем в вышедшее еще в 1929 году 3-е издание книги П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Говоря о роковой роли М. Д. Нессельроде в гибели Пушкина, П. Е. Щеголев обзывает выявленные современниками «основные черты характера и деяний» этой особы и среди прочего — следующее: «Графиня Нессельроде... была... могущественной представительницей... интернационального ареопага... Ненависть Пушкина к этой... представительнице космополитического с к о г о (выделено мною. — В. К.) олигархического ареопага едва ли не превращала ненависть его к Булгарину». П. Е. Щеголев оговорил, правда, что утверждение о «могущественности» графини Нессельроде грешит «гиперболизмом» (о чем свидетельствует, в частности, последующее позорное изгнание из России ее клевретов Геккернов, которых она всячески пыталась защитить), но для подготовки гибели Пушкина сил у «ареопага» все же хватало... Здесь же приведена такая характеристика муженька графини: «Этот а в с т р и й с к и й министр у с с к и х иностранных дел, Нессельроде, не любил русских и считал их ни к чему не способными».

Откроем книгу Г. И. Чулкова «Жизнь Пушкина» (1938): «Она (графиня Нессельроде. — В. К.) была представительницей той международной олигархии, которая влияла на политику и дипломатию... Мария Дмитриевна Нессельроде, плохо говорившая по-русски... никак не связанная с русской культурой... была достойной спутницей своего супруга, графа Нессельроде... М. Д. Нессельроде инстинктивно чувствовала, что Пушкин является

выразителем... иной культуры, глубоко враждебной... международному осиному гнезду».

Позднее, в 1956 году, И. Л. Андроников убежденно писал, что «за спиной Дантеса стояли силы, враждебные Пушкину... обстоятельства, толкавшие его к гибели, Пушкин предотвратить не мог... во главе враждебных Пушкину сил находилась целая «К л и к а» (выделено мною. — В. К.)... салон жены министра иностранных дел графини М. Д. Нессельроде. Ненависть графини Нессельроде к Пушкину была безмерна... В распоряжении исследователей имеется достаточно сведений, разоблачающих зловещую роль в судьбе Пушкина графини Нессельроде. Теперь прибавилось письмо Александра Карамзина» (И. Л. Андроников имел в виду только что «открытую» тогда переписку семьи Карамзиных). Для нессельродовской «клики» были непереносимы, утверждал И. Л. Андроников, «независимость Пушкина, его высокое чувство национального достоинства». Даже иностранный дипломат князь Гогенлоз, подчеркивал И. Л. Андроников, осознал после гибели Поэта существование «русской партии, к которой принадлежал Пушкин», и понял, что «имя Пушкина в самых широких кругах русского общества являлось символом национального достоинства».

И наконец, сравнительно недавняя книга Д. Д. Благого «Душа в заветной лире» (1979), где обоснованно доказывается, что инициаторами заговора против Пушкина были именно Нессельроде, возглавлявшие «антинародную, антинациональную придворную верхушку... которая издавна затаила злобу на противостоящего ей русского национального гения, а теперь решила, действуя самыми мерзкими, бесчестными

способами, сбросить его со своего пути». Д. Д. Благой убедительно раскрыл цель пасквильного «диплома», отправленного Пушкину и его друзьям: цель состояла в том, чтобы столкнуть поэта с императором, «натравить» его на императора. Пасквиль был состряпан в салоне мадам Нессельроде, о чем позднее император Александр II сказал: «Ну, так вот теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина: это Нессельроде». Геккерн и, тем более, Дантес были здесь лишь орудиями...

Словом, нехорошо, тов. Фомичев. Давно пора бы преодолеть в себе эту партаппатную привычку беззастенчиво извращать реальность, объявляя меня «автором» некоей (подразумевается — чисто субъективистской) «новой версии» и уверяя читателей, что-де «ничего подобного не говорили» знаменитые пушкинисты предшествующих поколений.

Как видим, и П. Е. Щеголев, и Г. И. Чулков, и И. Л. Андроников, и Д. Д. Благой были убеждены, что гибель Пушкина явилась «результатом зловещих действий «ареопага», «олигархии», «клики», «верхушки», суть коих определена в их работах словами «интернациональная», «космополитическая», «международная» (все это, в принципе, синонимы) и, с другой стороны, — «никак не связанная с русской культурой», «антинародная», «антинациональная» и, добавлю от себя, откровенно русофобская. В 1837 году это понял даже иностранный дипломат, назвавший погибшего Пушкина представителем «русской партии», противостоящей иной, антинациональной группировке — к сожалению, очень влиятельной...

Разумеется, С. А. Фомичев имеет полное право оспаривать это (как и всякое иное) понимание истории гибели Поэта. Но постыдно дезинформировать читателей, пытаться внушить им, что давно, еще в начале века сложившаяся в пушкиноведении концепция будто бы являет собой некую только что возникшую в моей голове «новую версию» (подробно о тайне гибели Пушкина см. в моей книге «Размышления о русской литературе». М., 1991, стр. 144 — 153).

Впрочем, в жизни все бывает, и я не исключаю, что С. А. Фомичев, считающий-ся вроде бы пушкинистом, попросту незнаком с трудами перечисленных выше (да и целого ряда других) авторитетнейших исследователей. Это в конечном счете менее постыдно, чем сознательная дезинформация читателей, но все же...

Вадим КОЖИНОВ